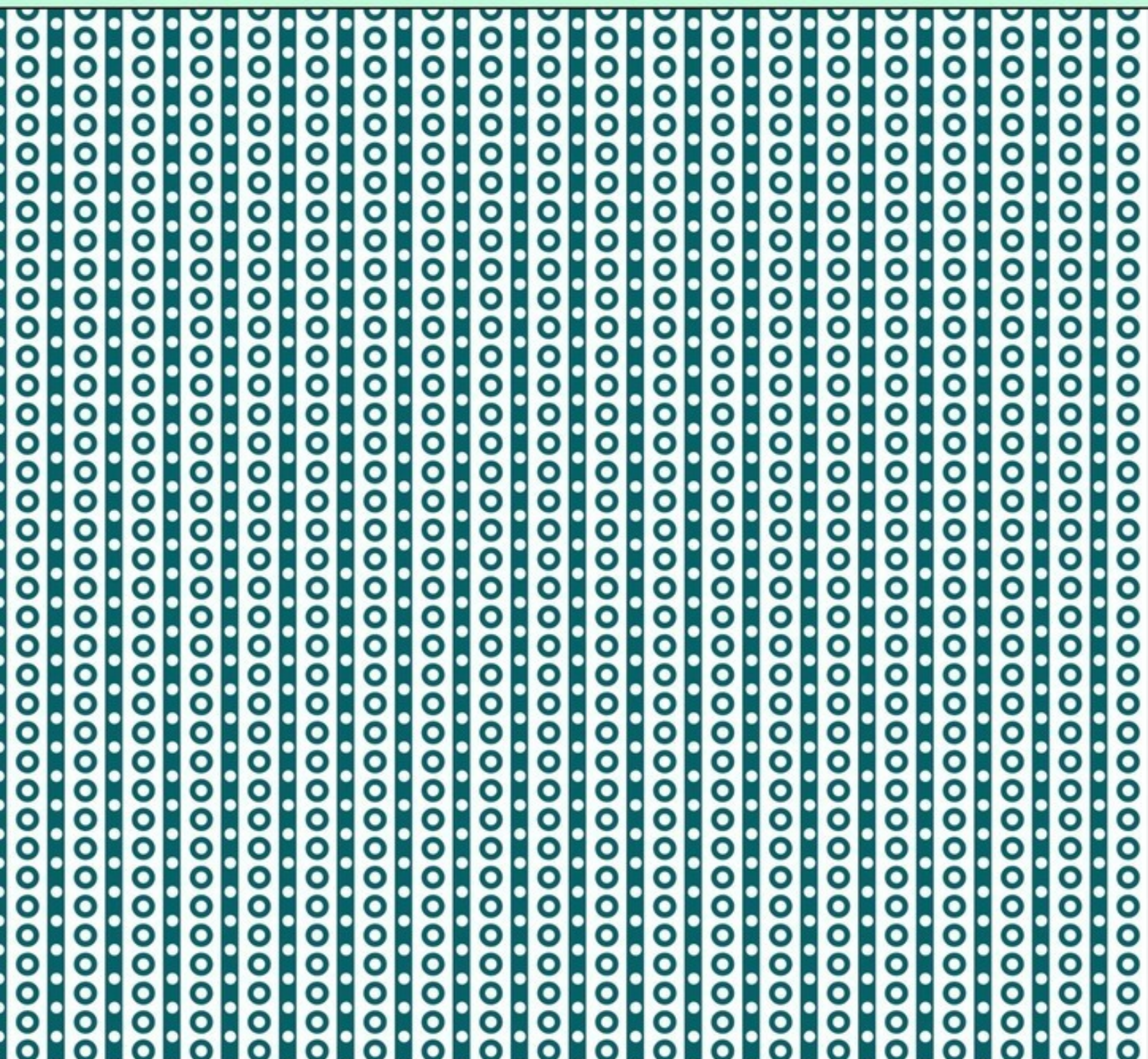

Александр Найдёнов

Пьесы

Александр Найдёнов

Пьесы

«Издательские решения»

Найдёнов А.

Пьесы / А. Найдёнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903345-1

Пьесы становились лауреатами конкурсов драматургии, были поставлены во многих городах России, переведены на немецкий, французский, китайский языки.

ISBN 978-5-44-903345-1

© Найдёнов А.
© Издательские решения

Содержание

Гусиные лапки	6
Действующие лица	7
Никола	21
Действующие лица	22
Первое действие	23
Второе действие	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Пьесы

Александр Найдёнов

© Александр Найдёнов, 2018

ISBN 978-5-4490-3345-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гусиные лапки

одноактная пьеса

Действующие лица

Тамара Леонидовна Костикова – женщина, имеющая в/о, и ж/п, и возраст, опасно зашкаливший за 30.

Володя, или возможно – Сергей – инженерно-технический работник, на вид – лет около 30.

В однокомнатной квартире у Тамары Леонидовны – тишина. За окошком – потемки. На стене висит репродукция картины Леонардо да Винчи «Мадонна Литта» не весьма важного качества, но в массивной золотистой раме фабричного производства. По середине комнаты круглый стол убран на две персоны. На подносе – бисквитный покупной торт, в подсвечнике – не использованные свечи.

Тамара (говорит в окно своему отражению). Может, курицу надо было изжарить? А?.. Вдруг он голодный придет?.. Нет, ну какое мне дело?.. От курицы руки будут все в жире... и губы... (морищется) гадость!.. Интересно, что в ресторанах подают молодым? Наверное, фрукты? Да пускай!.. А я заливное поставлю. Заливное – тоже неплохо. (Направляется к столу). Беседую, деликатно так ножом отделяю кусочек, протыкаю вилочкой сверху желе, потом – пластик мяса, потом все это снимаю на язык с вилки – и оно само там тает, тает, и не нужно даже жевать. Вкусно!.. Какая замечательная у вас свадьба, Тамара Леонидовна. Да, очень... (Подходит и долго глядит в окно). Очень!.. (Обращается к младенцу на картине да Винчи). У вас там за окнами вечно светло... Горы синие вдали... Синие, синие... А у нас во дворе здесь, сказать, что делается? Помойка. Хорошо тебе, что ты в другую сторону смотришь... Мама твоя – какая довольная. Родила ребеночка себе – и радуется теперь. Нянькается. Конечно, чего ей не радоваться – ведь от непорочного зачатия умудрилась. (Отвернулась от картины). Э, ладно, ладно, не будем... не будем... У мальчишки этого взгляд очень странный. Что-то он не походит совсем на младенца... И грудь у матери... У женщины так высоко ведь не может быть грудь?.. Или может?.. (Делает жест – будто подносит к груди ребенка... Отбросила руки). Стыдоба!.. Все, успокоились!.. Успокойся... Все, ну хватит, хватит... Спокойна!.. Я совершенно спокойна... Мои ноги стали тяжелые... Стали тяжелыми и теплыми... Их словно заполняет разогретый свинец... Мои руки тоже делаются тяжелыми... и теплыми... Мне хорошо... Мое лицо овеивает прохладный воздух... (Трогает свои щеки, поспешно глядится в зеркало). Красная! Красная какая, как рак!.. Он не придет... Или нет, конечно, он придет – и я ему скажу, что я передумала. Слышишь? Да, я передумала. И все. И пусть он как хочет. Я штраф ему заплачу в конце концов. Я ничего и никому не обязана!.. (Рухнула в кресло... Села повыше, сделала ногу на ногу, обвела комнату взглядом, схватила с журнального столика фотографический альбом, заглянула в него). Моя семья, да... Все как у людей, абсолютно, да... Гм, смотрины... Мама?.. До чего твоя дочь докатилась?.. Мама?.. Вот эта девочка в халатике – расстегнута нижняя пуговка – это я, мама!.. (Прижала к себе и качает альбом на груди). Я, мама!..

(Звонок в дверь).

Се-йчас... Сейчас!... (Проверяет свою прическу, впопыхах пудрится).

(Повторный звонок).

Минуту!.. (Отпирает дверь).

(За дверью стоит Володя, у него сбоку висит спортивная сумка на ремне, переброшенном через плечо).

Володя. Простите. Тамара Леонидовна Костикова – это вы?.. Нет?.. Это сорок седьмая квартира?.. (Пауза). Это сорок седьмая квартира?..

Тамара. Да... это я.

Володя (*интимно*). Здравствуйте, я по вызову... Вы обращались к нам... Ну... фирма «Медицина-94»... Я войду?.. Можно?..

(*Пауза*).

Тамара. Войдите.

(*Володя входит, захлопывает за собою дверь, снимает сумку, снимает свой плащ и цепляет его на крючок. Из сумки вытаскивает пучок помятых гвоздик*).

Володя. Тамара Леонидовна... вот... позвольте вам преподнести этот букет... в подарок...

Тамара. Спасибо.

(*Пауза*).

Володя. М-да.. Мы пройдем?.. Я подумал, извините, что может быть в комнату нам лучше пройти?..

(*Пауза*).

Тамара (*вынула с полки, уронила ему под ноги шлепанцы*). Здесь пол холодный...

Володя. О, как раз!.. В самый почти раз... Ничего, ничего, нормально – залазят, можно ходить... А я тут заблудился у вас. Остановки не объявляют – и я проехал куда-то... Туда куда-то... Потом обратно пришлось добираться пешком... Да еще – пока дом отыскал... Вы не обиделись на меня?..

Тамара. Идите за мной.

Володя (*входя за ней в комнату*). Ох! Какой стол! И торт! Чувствую себя преступником, что заставил вас ждать...

Тамара. Садитесь, где вам удобнее.

Володя. Если хозяйка позволит мне, то можно – я сразу к столу?

Тамара. Как хотите.

Володя. Спасибо... Скажите, пожалуйста, а руки где у вас можно помыть?

Тамара. По коридору... справа там... первая дверь...

Володя. Спасибо.

(*Володя ушел в ванную. Тамара воткнула цветы в сухую вазу на журнальном столике, села за стол*).

Володя (*возвращается*). Квартира у вас хорошая... Да, хорошая квартира... И дом еще, кажется, новый. А извините, я поинтересуюсь, сколько лет будет этому дому?..

Тамара. Да не знаю я.

Володя. Простите... Лет десять, наверное. Я учился в институте, когда этот микрорайон начали заселять. (*Усаживается за стол*). Только вот с транспортом здесь у вас, вероятно, проблемы?.. Впрочем, как и везде... Везде... Билеты сделали полторы тысячи – ну куда!.. И зимой, обещают, опять добавят... Торт – какой красивый у вас! Чудо!.. Вы сами пекли?

Тамара. Нет. Не сама. Магази́нский это торт – и вы это видите. (*Пауза*). Что, мы с вами так и будем сидеть?.. Свечи зажгите, хотя бы...

Володя. Свечи? Я... да, да, извините... Спичек можно мне у вас... занять спичек?..

Тамара. Вы не курите, значит?

Володя. Такое условие.

Тамара. Что, и вино пить – вам тоже нельзя?

Володя. Нет. По контракту употреблять запрещается алкоголь... Даже и пиво...

Тамара. У вас тяжелая работа, как видно. Не позавидуешь вам.

Володя. Никто же ведь не захочет, чтобы родился неполноценный. Я хотел сказать, то есть, нужно, чтобы нормально было все...

Тамара. Конечно, лучше, когда нормально... Сами-то вы как думаете? Эти отношения... вообще... ну... все это разве нормально?

Володя. Ну... Я... разумеется, думаю: все нормально... А почему бы и нет, в самом деле? Это даже неожиданный вопрос как-то... Конечно, все под разным углом следует рассмотреть – вы правы... Но я думаю: тут – все нормально... Вот взять раньше... Раньше взять: вы знаете ведь, раньше даже что считалось за стыд? Если кто чужой застанет женщину без платка. Да!.. Опростоволосилась значит. А поглядеть на это нынешними глазами – предрассудок ведь, варварство просто какое-то, да и все. Я убежден, также будет и тут. В сущности, мужчина с женщиной вдвоем только в праве решать, на каких условиях им заводить ребенка. А кроме них, никому до этого не должно быть и дела, я считаю...

Та мара (*протягивает ему руку*). Тамара.

Володя. Что?

Тамара. Мы ведь с вами не познакомились.

Володя. Да? Да, да!.. Как же это я?.. Закрутился... (*Пожимает ее пальцы*). Володя. (*Хочет поцеловать ей руку*).

Тамара. Не надо! Отпустите! Не делайте этого, я говорю!.. Не делайте!..

Володя. Но почему? Почему?

Тамара. Не надо... у меня там кожа потрескалась.

Володя. Володя...

Тамара. Очень приятно.

Володя. И мне...

(Пауза).

Тамара. Ска-жи-ите, скажи-ите мне что-нибудь...

Володя. О-о! Забыл!.. Ха-ха-ха... Работа, как говорится, прежде всего. Мне же вам надо справочку выдать... Для отчетности справочку... Где-то она у меня тут есть... Ага, вот она, слава богу, нашлась. Распишитесь, Тамара, пожалуйста, здесь... Корешочек – я вам отрываю... А деньги?.. Как?.. Или деньги потом?.. Вообще-то нас за это ведь ругают...

(*Тамара положила деньги на стол. Володя взял их*).

Володя. А, не буду считать.

Тамара. Нет, что же не будете-то? Сосчитайте. Мало ли что?..

Володя (*пересчитал деньги и сунул их в карман*). Верно все... А у нас бюрократия там такая – ужас. Вот... А иначе нельзя... Вы разрешите, я свет убавлю?

Тамара. Пожалуйста.

Володя (*выключил люстру и задернул на окне шторы*). Тихо... Тихо, я говорю, как?.. Такое впечатление, точно мы от всех отделились, спрятались в этой коробочке. Вы только и я, я и вы, а их как будто там и нет вовсе...

Тамара. Куда же они все девались, по вашему, – множество людей?.. Все – на своих местах. За стенами, за окном, за дверью... А слышимость какая здесь, знаете, у нас? Со всех сторон через панели только и слышно: бу-бу-бу, бу-бу-бу... – разговаривают. А если крикнет кто – так через три этажа донесется...

Володя. Не надо кричать. Тамара... у тебя хорошая кожа, правда... просто замечательная кожа у тебя, ты напрасно стесняешься... Тамара... Тама... Но мы же с вами – взрослые люди!..

Тамара. Отпустите руки! Ну!.. Прочь! Володя!..

Володя (*торопливо уселся на стул*). Не обижайтесь только, Тамара. Что же вы все-таки закричали?

Тамара. Что вам?!. Я вам что?!.

Володя. Тамара Леонидовна, поверьте...

Тамара. М!.. мерзость!.. Вы!.. Вы согласны есть заливное?

Володя. Я? конечно, согласен!..

Тамара. Ладно, я сейчас принесу... *(Уходит)*.

Володя. Что, девочка она, что ли?..

Тамара *(входит с тарелками)*. Вот и будем с толком, с расстановочкой, не спеша. Я вам ножик ведь положила, Володя?

Володя. Ну да, вот он, ножик... Но, Тамара, мне же через два часа нужно будет уйти.

Тамара. Я знаю. Все я знаю, не беспокойтесь. Я отлично помню, что у нас с вами сделка. Но об этом говорить не надо. Не надо. Ничего это не доказывает. Все встречаются, в конечном счете, с тем, чтобы когда-нибудь после расстаться. Каждый третий брак распадается в первый же год...

Володя *(попробовал еду)*. Вкусно... А это однокомнатная квартира у вас?.. Вы такая интересная женщина... Вам больше какие цветы нравятся: розы или гвоздики?..

Тамара. Мне любые нравятся, только когда они свежие.

Володя. Намек понял. Извините, в том киоске свежих не оказалось... *(Серьезно взялся за еду)*.

Тамара. Вы ухаживать за мной собираетесь как-нибудь?

Володя. Один момент. *(Сходил в переднюю, принес из сумки магнитофон)*. Где у вас, Тамара, тут есть розетка?

Тамара. Что это вы? Зачем?

Володя. Сейчас музыку включим, танцевать будем. *(Включает музыку)*. Записи у меня, правда, старые. Студенческие еще. Но мне они нравятся... Вы позволите пригласить вас на танец?

Тамара. Как, здесь, что ли? Вы что?

Володя. Ну, пожалуйста... Ну, я прошу вас...

(Танцуют).

Володя. Как, я еще не разучился вести?..

Тамара. Ничего...

Володя. С вами приятно... вы хорошо танцуете...

Тамара *(перестала танцевать)*. Нет, это порнография какая-то! Одни в комнате – и танцевать... Я так не привыкла. *(Отходит от него)*.

Володя. Тамара... Я прошу вас... А действительно, хорошо бы сейчас бутылочку, да?..

Тамара. Это еще зачем?

Володя. О, нет, это я пошутил, пошутил...

Тамара. Шуток я ваших не понимаю.

Володя. Ого, мне вот эта песня больше всех нравится! *(Напевает от растерянности)*. *(Тамара, пожелав ему помочь, тоже понемногу начинает мурлыкать. Володя боком придвигается к ней и обнимает ее за плечи.)*

Тамара *(стряхивает плечом его руку)*. Ну-ка!..

Володя. Да, клевая песня. Помнится, раньше в стройотряде, мы каждый вечер у костра ее пели... А вам, Тамара, в стройотряде когда-нибудь приходилось бывать?

Тамара. Ну а как же, приходилось, бывала... Четыре целины отработала проводницей вагона.

Володя. Нравилось вам тогда это?

Тамара. Нравилось, представьте... да, нравилось... Молодая была... В июле, как при-
мешь вагон, так до сентября все время едешь и едешь куда-то... Леса за окном, потом – поля, когда через Украину проезжали – то степи, овраги такие огромные, огромные... Хаты белые, какие и в старину были, наверное. Вернешься домой, отдохнешь три дня – и опять в рейс. Мне и сейчас еще кажется иногда: утром загремят возле дома трамваи, спросонья думаешь, что это

мы через мост проезжаем; они долго гремят – соображаешь: «Это, должно быть, Волга, или Кама», – а очнешься от сна – и нет ничего, на месте стоим.

Володя. А у нас отряд назывался «Гренада – два»... Придумали же такое название... Только у нас строительный был отряд: мы фундаменты заливали под коттеджи в совхозах, потом, в одно лето, дорогу асфальтом покрывали, тоже в какой-то деревне...

Тамара. «Гренада – два»? Это знакомое что-то... Вы не в УПИ, случайно, учились?

Володя. Точно, точно – на физтехе в УПИ.

Тамара. А знаю, знаю, самый был престижный в городе факультет.

Володя. Да, в то время... А вы – с какого факультета, скажите?

Тамара. Нет, я не из УПИ вовсе – я университет кончила. (*С оттенком горечи*). Учитель математики в средней общеобразовательной школе.

Володя. Ого, у нас с вами, оказывается, родственные специальности! (*Протягивает ей руку.*) Володя!..

Тамара. Тома...

Володя. Может быть, тогда – на «ты» будем? А?..

Тамара. Давай. Да ты хоть садись, поешь как следует. Курицу надо было зажарить, а то какая это еда для мужчины?

Володя. Ничего, ничего – нормально. Еда, как еда... Вкусная... Я ведь с работы прямо... (*Ест и, чтобы не молчать, начинает говорить; постепенно увлекается разговором, «заточивал»*) А агитки? Агитки-то у вас были?

Тамара. Конечно, были.

Володя. Выдумали же такое – «агитпоход»!.. (*Ест*). Знаешь, у нас на первом курсе читал лекции по истории партии старый чекист. Глухой на оба уха дедуля... Он в начале семестра все шамкал: «Вот, хлопцы, примут скоро вас бойцами в какой-нибудь строительный отряд – и поедите вы в деревню с отрядом в агитационный поход... Да, скажите у себя там, в отряде, лекторы пусть ко мне подойдут. Сколько их можно звать? Я им материалы выдам для политбеседы с крестьянами...» А как на самом деле все было? Договоримся с директором сельской школы – и в субботу вечером завалимся туда двумя отрядами: наш отряд, мужской, и женский, дружественный отряд. Отряд «Аленушка» был из СИНХа. Минут на тридцать сперва концерт забабахаем: клоунада там, фокусы разные, песни студенческие споем, пригласим аборигенов поступать к нам в институты после школы, а потом – тушим свет, врубаем музыку – и дискотека до одиннадцати часов...

Тамара. Ты ешь, ешь...

Володя. Спасибо... (*Ест*). А в одиннадцать часов – школьников этих из школы долой – по домам; избушку – на клюшку, – и сами в спортзале свою дискотеку начинаем крутить до утра. Всю ночь, всю ночь! Танцы, конкурсы, хохот... Весело было...

Тамара. У нас тоже так было...

Володя. Утром ноги гудят, тащишь колонки и радиоаппаратуру на электричку, корячишься. Жрать хочется! Вернемся к себе в общагу – и что, ты думаешь, сразу спать? Не-ет!.. В пельменную топаем. У нас в отряде была традиция: после агитки утром каждому съесть три порции в пельменной на Пушкинской – а порции там, знаешь, навешивали какие? Ну, те, кто по четыре съедал – те уже были героями... Из пельменной по проспекту не торопясь идем, шутим. Приметим какого-нибудь дядечку подобродушнее, и в колонну по одному шагаем за ним тишком след в след. Тридцать человек. Тот не может никак понять, чего ему встречные усмеваются? Шапку поправит свою, отряхаться начнет, наконец увидит нас – испугается, отскочит в сторону, потом тоже заржет... Ну, мы за следующим мужичком шли...

Тамара. Мы любили с девчонками вот под эту музыку танцевать... (*Танцует.*) А говорили, что на физтех умных ребят только брали?.. Трудно там у вас было учиться?

Володя. Ну... как тебе сказать?.. Кому как... Мне – не очень... Главное, конечно, было – привыкнуть. Потом уже втянешься, войдешь в колею: семестр пробалдеешь – хоп: сессия, перекарабкаешься через нее – и опять балдеешь семестр. Экзамены я научился по шпорам сдавать. Сюда вот, к пиджаку, карманы пришьешь с одного и с другого бока, вложишь в них лекции, разодранные по темам, и каждую тему скрепкой скрепляешь с порядковым номером. А в рукаве тут списочек держишь: какая тема под каким номером? Получаешь билет, заглядываешь в список – ну! это же просто! – в левом кармане – десятая скрепка; делаешь в сторону задумчивые глаза, ладонь запускаешь за отворот пиджака, отщупываешь скрепки, достаешь, переписываешь – и всех делов...

Тамара. И что, часто у тебя получалось?

Володя. Ни одного провала не было за пять с половиной лет. И в итоге – почти красный диплом...

Тамара. А-а, вот ты какой, оказывается, хитрый!.. Придется мне заставить своих учеников заходить на экзамен без пиджаков...

Володя. Тома, а ты разве ни разу не списывала? Ну, сознайся... Ну?..

Тамара. Списывала.

Володя. Умница!.. Шикарная женщина!..

Тамара (*танцует*). Что ни говори – в наше время калоритнее группы были, заметней как-то: АББА, Бони-М... Теперь таких, мне кажется, нету вовсе. Сейчас все сплошь какие-то: «ногу свело» или «корозия у металла», – ну что это за команды?..

Володя. В сердцевину, Томочка, в сердцевину, в самую точку!.. Какие раньше были команды!.. Какие каманды!.. «Динамо-Киев»!.. Ах, «Динамо-Киев», «Днепр», «Арарат»!.. А?.. Каковы?.. Блохин проходит по левому флангу. Трибуны замерли... Приближается к воротам... Бьет... Гол!.. Ура!.. А теперь? «Ростсельмаш», «Шинник», Фэ Ка «Тюмень», – тьфу!.. Прости господи!.. Глаза б мои не глядели!..

Тамара. Вот, вот она, группа Бони-М, ты помнишь?..

Володя. Что ты! Моя самая любимая песня!.. (*Поет и танцует, придвигаясь к Тамаре.*)

Варвара жарит ку-р!..

Варвара жарит ку-р!..

Жарит, жарит ку-р!..

Жарит, жарит ку-р!..

Блохин проходит по левому флангу... приближается... (*Обнял Тамару и нечаянно опять взял ее за руку.*)

Тамара. Руки у меня потрескались. Каждый год – прямо какое-то бедствие... Как осень, так кожа на кистях обветривает... А это у меня – шрам. Мальчишки хулиганят на железной дороге, кидают камнями в окна, я осколки убирала – ну, и порезалась...

Володя. У меня тоже есть на ладони шрам... Вот – на этом же самом месте. Это я в детстве пропорол тоже об стекло, об бутылочное...

(Улыбаются друг другу.)

И на затылке у меня... Не увидеть? Посмотри...

Тамара. Ну, зачем?..

Володя. Тоже маленький шрамик... Студентом когда, понимаешь... гм... влюбился... Счастье меня всего распирает!.. Не могу терпеть!.. Рассказать кому-нибудь хочется!.. В общагу забегаю и на лестнице вижу: однокурсник стоит; я – к нему, кричу: «Дай мне в рожу! Я так счастлив!..» Думал, он у меня спросит, что с тобой?.. А он мне – ка-ак!.. С лестницы я скатился... Затылок вот, и локоть еще... А он спускается ко мне, говорит: «Что же ты, чудак, еще и обиделся?..»

Тамара (*поморщилась*). Мерзость...

Володя. У тебя, Томочка, разве нет таких шрамов? Давай в голове поищу?..

Тамара. Отстань... *(Засмеялась)*. Нету... Ой, и не верится даже, что мы были когда-то такими...

Володя. Разъехались все – кто куда, за десять лет почти ни с кем и не виделся. Ну... остался так, один друг... Мне кажется удивительным иногда: столько было рядом хороших ребят – где они все теперь? Куда делись? Не видно никого и не слышно...

Тамара. Все уже постарели, наверно?.. Лысыми стали?..

Володя. Ну, может быть...

Тамара. У меня тоже морщины появились. Вроде бы уж борешься, борешься с ними – а они все равно свое берут – лезут и лезут...

Володя. Это «гусиные лапки»...

Тамара. Что – «гусиные лапки»?

Володя. Эти вот морщинки около глаз на щеках называются «гусиные лапки» – потому что они лучиками так разбегаются, как гусиный след: туда и сюда... Туда и сюда...

Тамара. К чему показывать-то, Володя?

Володя. Название красивое...

Тамара. От этого же не легче...

Володя. Не надо расстраиваться, Тома. Зачем? У каждого возраста, свои радости, как говорится... маленькие, но плюсики...

Тамара. И у нас с тобой, что, плюсики есть?

Володя. Конечно.

Тамара. Да, есть? Ты что, так правда считаешь?

Володя. Считаю.

Тамара. Ну, а что, например?

Володя. Ну, вот же – мы с тобой – взрослые люди, самостоятельные... Здоровые, наконец... Ни от кого не зависим...

Тамара. Ну, это еще не ясно... А знаешь, иногда хочется почувствовать себя снова маленькой девочкой – так, чтобы прижаться к отцу – и жаловаться, жаловаться ему, поплакаться...

Володя. Если уж так тебе хочется – ты можешь поплакаться мне. Какие проблемы?

Тамара. Тебе?

Володя. Ну да.

Тамара. А почему бы и нет, действительно?..

Володя. Давай, сядем...

(Сели на диван. Она прижалась к нему.)

Володя. Ну-с, кто тебя обижает?..

Тамара. Никто не обижает меня... Просто... жизнь только...

Володя. Так, так, так... Жизнь... Волосы красивые у тебя... Шея... У тебя шея очень породистая, Тома, – как у греческой статуи... Какая редкая линия плеча...

Тамара. Лидия Сергеевна, наша завуч, мне вчера говорит: Я не понимаю, говорит, Тамара Леонидовна, по какой причине вы поступали на работу к нам в школу? С вашими аналитическими способностями вам в конструкторском бюро в какое-нибудь лучше б было, а не в школе у нас. Представляешь?

Володя. Не надо обращать на это внимание.

Тамара. Угу... Но, знаешь, я боюсь, что она права... Каждое утро, когда я встаю, меня даже знобит всю, только подумаешь про эти четыре этажа в школе, ступени протоптанные, гам, беготня, бестолочи... Не то – в учительскую идти, а там завуч, не то – эти в коридоре с ног снесут... Понуришь голову утром и на работу идешь... И со мной рядом по улице народ идет на трамвай: топ-топ, топ-топ, и тоже у всех такие унылые лица... Как будто пытаются каждый

понять, как это у них все так получилось в судьбе? Для чего это нужно? Или кто-то, может, подшутил над ними такую штуку? Вечером возвращаюсь, бреду в свой этот загончик, а вокруг по домам расходится все тот же унылый люд... И год за годом так, каждый день, каждый день... И знаешь, так мне захотелось все изменить в своей жизни!.. К чертовой матери это все!..

Володя. Вот заведешь ребенка – и некогда будет даже думать обо всем этом. Ты как? Будешь дома сидеть?..

Тамара. Дома?.. А зарплаты... ты знаешь, какие у нас в школе маленькие зарплаты?.. Вторую категорию не выбью никак... Чтобы заплатить в вашу фирму, ведь я полгода копила.

Володя. Тамара... *(Целует ее.)*

Тамара. Голова что-то болит... Вот здесь...

Володя *(целует больное место)*. Пройдет голова, пройдет...

Тамара. А ты на себя на фотографии совсем не похож. Там у тебя такое лицо... Гораздо полнее... и серьезнее... Я на тебя сразу обратила внимание. А то все остальные у вас такие молоденькие... на фотографиях... мальчишки совсем... А разве у тебя рост – метр восемьдесят четыре?.. Отчего там напутали?

Володя. У меня – метр восемьдесят четыре рост, метр восемьдесят четыре... даже – метр восемьдесят пять где-то... Это просто я сутулиться начал. Я спортом займусь на днях... *(Тамара смотрит на него)*. Ну, хвостик, хвостик у шестерочки я подкрасил в анкете... Мелочи это, Тома, все, не важно... ну ты же видишь?.. Кожа у тебя гладкая на шее – точно атлас... Чудная... Тома...

Тамара. Подожди, Володя... Подожди...

Володя. Тома...

Тамара. А где ты работаешь?..

Володя. Какая разница, Тома, где я работаю?.. Ну какая разница, где я работаю?.. Зачем об этом сейчас? Мы с тобой потом, потом об этом поговорим...

Тамара. Стой, стой, Володя! Ты же ведь – атомщик! На физтехе учился. Вы же все там с радиацией были связаны! Ну что ты, что ты, разве не так? Нет, что ли? Ведь точно! Ты же столько лет уже... Столько лет уже ты облучался!.. Ты что хочешь, чтоб я уродо родила?!.

Володя. Тамара, да глупости же все это... Бабкины сказки, это, Тамара!.. Предрассудки же...

Тамара. Врешь ты все!.. Все, все врешь! Хватит, хватит! Отойди от меня!.. Отойди от меня!.. Что я сказала?! *(Столкнула его с дивана.)*

Володя. Прямо дикость какая-то!.. Тома, мы же с тобой серьезные люди!..

Тамара. Ну! Не прикасайся ко мне! Я кричать начну! А!!

Володя. Та-Тамара... что же ты кричишь?..

Тамара. Помогите!..

Володя. То-мочка, замолчи же ты!

Тамара. Стой! Там стой, там! Не приближайся, смотри!

Володя. Рубаху-то хоть дай я одену..

Тамара. Обмануть меня, да? Обмануть хотел? Думал, что я не понимаю ничего, наверно? Все, все вы такие. Из одного теста! О себе лишь только и думаете!.. Заработать ему загорелось! Длинный рубль прибежал зашибить! Он уж и на все готов ради этого! А я потом одна с инвалидом как? Обо мне ты подумал?

Володя. Ну, я не знаю... Да нормально, нормально все будет.

Тамара. Ой, боже мой! Какая же я дура! Ой, ой, ой, ой!.. Надеюсь... найти для своего ребеночка отборного мужика – а они все там – такое барахло!.. Ой, мама!..

Володя. Я не понимаю, что это? Я не угодил тебе, что ли?

Тамара. Ма-ма!..

Володя. Не понравился, я, что ли тебе, я спрашиваю?

Та мара. Ты-то?.. Ну, кому ты можешь понравиться такой?.. Ой!..

Володя. Если я не устраиваю вас – я ведь не настаиваю – можете требовать мне замену, да... Подберете другую кандидатуру.

Тамара. Что я, шлюха, по-твоему?..

Володя. К твоему сведению, у меня есть уже двое детей.

Тамара. Ну что ты свистишь снова? Первый у тебя это вызов, первый! Мне говорили в конторе...

Володя. Гм... В конторе ей говорили... Настоящие это, мои это дети! Мои и моей жены! Говорили ей... Мальчик и девочка, поняла ты? Шести и девяти лет! Родил вот, да! Родил, хоть и атомщик! И никаких нет болезней!.. Тьфу-тьфу-тьфу... Поглядите на нее, крик она поднимает... Чем это я не нравлюсь тебе?..

Тамара. Атомщик ты! Заразный!

Володя. Ох, ты дура... Сама ты заразная! *(Расхаживает по комнате, щелкает выключателем.)* Видишь? Видишь, да? Горит... Полыхает... Это тоже, между прочим, атомная энергетика. Этим-то пользуешься, небось, не брезгуешь...

Тамара. Ты что ко мне привязался? Я почему должна одна за это страдать? Я все за свет заплатила. Понял? И отвяжись от меня!

Володя. Ну, уж дутки! Нет, ты ответь мне, ответь, не такой я разве человек, как другие? Как бухгалтер, какой-нибудь?.. а?.. А?.. *(Поет.)*

Бухгалтер! Милый мой бухгалтер!

Вот он какой! Какой чудной!..

А мне, значит: пошел вон, шелудяга! В шею, в шею!.. Мол, не нуждаемся в вас. Вы нам не подходите... Трудовая биография ваша нас не устраивает!.. Раньше бы, небось, очень устроила! Престиж ведь был, как же! Наука! Щит отечества!.. А теперь как шавка по городу бегаю... Дам скучающих ублажать должен. У меня тоже, представьте, дела есть. Да. Меня дети ждут дома. Нам уроки надо решать!..

Тамара. Послушай ты, Щит отечества, ты в Чернобыле не был случайно?

Володя. Нет, не довелось побывать.

Тамара. А ты не врешь?

Володя. Правда.

Тамара. Поклянись мне.

Володя. Ха, поклянись... Ладно, как клясться?

Тамара *(подбегает к картине).* Иди сюда. Здесь поклянись. Вот – поклянись перед Мадонной с Младенцем, что от тебя детей рожать можно. Это почти икона. Поклянись им! И если что случится – знай: я тебя сама вот этими моими руками убью!..

Володя. Да пошла ты, знаешь куда?

Тамара. Ну?..

Володя. В... баню...

Тамара. Ты у меня сейчас сам поскачешь в баню, козел!..

(Пауза. Тамара нашла пыль на раме и принялась очищать. Володя вышел в прихожую.)

Володя *(входит).* Натё вот, забирайте назад свои доллары. Я ухожу. Из вашей дыры теперь целый час выбираться придется. Пересчитывайте. Я возвращаю.

Тамара. Хорош кавалер... Очень... Хорош, говорю, кавалер – другого слова не подберешь! Что?.. Может быть, женщина немного не в духе... Женщина, быть может, кокетничает с ним... играет... Так и что, сразу ей в лицо за это долларами швырять?!

Володя. А кто швыряет-то их, кто? Я на стол положил.

Тамара. Нет, вы положили их так, что как будто швырнули – мне, прямо в лицо!

Володя. Бред. Ну, мы же с вами – взрослые люди!

Тамара. Нечего сказать, отлично вы марку поддерживаете своей фирмы «Медицина-94». А что, если я сейчас подниму трубку и позвоню в вашу фирму? Что тогда? У меня номер записан. Позвоню им и сообщу, как вы издеваетесь тут над одинокою, незащищеною женщиной!..

Володя. Это которая, незащищенная женщина тут? Да уж не вы ли? Да такая любому, если только захочет, мигом горло перегрызет! Я могу себе представить, как мужики ваши от вас шарахались!..

Тамара. Правильно все, шарахались. Слабаки. Все потому что... Все слабаки!.. Но ты-то у нас ведь – профессионал, ты же от фирмы. Трудностей-то уж тебе ли бояться? А ну-ка, забирай сейчас же эти деньги назад – и дуй мыться в ванную. Ну... Я позвоню...

(Володя сгрэб деньги и удалился из комнаты, в прихожей он вытащил из сумки халат.)

Тамара. Так его! Так его! Да вот так!.. *(Говорит картине.)* К-х!.. Не получается непорочно у нас, как видишь... Не выходит... Это вы там... А мы в грязи зачинать должны. По макушку по самую – мы в грязи!.. *(Глядит в окно.)* Ладно...

Володя *(Вернулся. Одет в халат.)* Ну, и что дальше? Какие поступят распоряжения?

Тамара. Славенький халатик у вас. Даже очень... Эмираты? Или нет, скорее – Китай... А под халатом-то, наверное, ничего нету? Я имею в виду – одежды. Представляю: скидываете вы свою хламиду – и я, Тамара Леонидовна Костикова, должна сразу бухнуться в ваши объятия! Ах!.. Что же молчите вы, ведь такой же тут, наверно, порядок?

Володя. Если вы это... будете в таком тоне, то я уйду.

Тамара. О!.. Ромео рассержен! Взвинчен! Простите, простите даму. Дама сегодня расстроена. Ваша Джульетта – не в настроении. Скажите что-нибудь галантное мне, кавалер...

Володя. Это о чем?

Тамара. Да что угодно. Например, скажите: Приятно было, Тамара Леонидовна, с вами познакомиться.

Володя. Да, приятно было познакомиться.

Тамара. Скажите, что голому в халате одно удовольствие побыть с такой женщиной с глазу на глаз.

Володя. Точно.

Тамара. Небось, себя считаете этаким Аленом Делоном Нет... Все в прошлом, милый друг, в прошлом. Вот уже и волос седой. Седина – в бороду, а бес – в ребро. Действительно так. Не стесняйтесь, не стесняйтесь, что ж вы? Можете меня обнять. Да сильнее, не бойтесь. Есть там в фирме у вас, в этом стройотряде вашем нынешнем – курс молодого бойца?.. Ну, не бойтесь.

Володя. Да и не боюсь я. С чего ты взяла?

Т а м а р а. Мы опять, кажется, с вами на «ты»? Это мило... Володя... Володя... Имя у тебя попало красивое. Это мне в первый раз так крупно повезло в жизни. Значит, у меня дети – Владимировичи будут. Светлана Владимировна Костикова, или – Сергей Владимирович Костиков. Это красиво звучит.

Володя. Тебе, правда, понравилось?

Тамара. Да, очень...

Володя. Может, тогда, начнем?..

Тамара. Подожди, подожди минуту. Сейчас. Успею. Что ты торопишься? В конечном счете – сегодня праздник ведь у меня: в один вечер – познакомилась, сосватана, выйду замуж, наживусь, наревусь и разведусь. За один раз отмахать столько – это надо уметь! Что ты так посмотрел на меня? Молчи. Понятно? Кто у нас главный? Я!.. Потому что тут я расплачиваюсь за все. А ты свое место помни, сиди и молчи! Бабник. Он, видите ли, начнет! Исполняй, Томка! Налево, кругом! На диван – ать-два!..

Володя. Я не понимаю, что ты ко мне так относишься? Я не бабник. Ну, я может, был не прав, извини. Я же действительно в первый раз. По вызову-то я в первый...

Тамара. В первый... А ты уверенно начал так: квитанцию выдал, цветочки, магнитофон... Угораздило же меня с дилетантом связаться...

Володя. Ты еще и не довольна, как будто? К тебе какого-нибудь затасканного нужно было прислать?

Тамара. А почему бы и нет? Если уж связываться с вами – то так вот чтобы: бултых... Нырнуть чтобы... Прямо туда и с головой чтобы...

Володя. Во что это – «нырнуть чтобы»? Вы меня чем это называете «чтобы»?..

Тамара. Ладно, Володя, не будем сегодня о грустном. Лучше давай потанцуй.

Володя. Что? Что?

Тамара. Я говорю: потанцуй. Включай аппарат свой и сбаци мне танец. Мужской стриптиз. А-ах!.. Давай, давай, Володя, не медли. Ведь мое время идет.

Володя. Ты как, пошутила это, или что?..

Тамара. За работу, мальчик мой, за работу. Клиентка этого хочет, Володя, а клиенты у нас, как сейчас известно, всегда правы. Которая клавиша здесь? *(Включила магнитофон.)* О, студенческая играет! Отлично!.. Танцуй!.. Молодой человек, не надо халтурить. Я же как-то должна разогреться? Учись. Тебе теперь профессионалом надо быть этого дела.

(Володя начинает танцевать. Тамара смеется.)

Тамара. Сейчас интим создадим! *(Отключила люстру.)* Тьфу, трусы!.. Еще раз танцуй, еще раз! Снова. Надевай халат свой – и танцуй снова! Как следует давай – время халяв прошло! Ну, танцуй давай, ведь тебе заплатили!..

(Володя танцует.)

Тамара. О, твоя любимая заиграла! *(Поет.)*

Варвара жарит кур!

Варвара жарит кур!..

Да, ты бы пожалуй, и не взглянул на меня тогда... А теперь вот – на цырлах передо мной прыгаешь... На цырлах!..

Володя. Все хватит. *(Идет из комнаты.)*

Тамара. Мальчик, я тебе, кажется, не разрешала выйти из класса?.. Ты куда?.. *(Задерживает его.)*

Володя. Хватит. К чертям собачьим. Наиздевалась! Довольно! Оставайся тут и старей, старей! Лапками покрывайся! Лапки-то они, гусиные, – они – топ-топ, топ-топ, шлеп-шлеп!.. *(Хлопает себе ладонями по щекам.)* И ты утром тоже – топ-топ в школу такая!.. Э – э!..

Тамара. Я тебя не пушу!..

Володя. Да иди ты!.. *(Уходит переодеваться в ванную.)*

Тамара *(стучит в дверь ванной).* Володя, ну ты что?.. Перестань... Ну, Володя!.. *(Прячет ключи от входной двери.)*

(Володя возвращается в комнату уже из прихожей, в плаще и с сумкой, укладывает в нее магнитофон.)

Володя. Да, не позавидуешь ребенку тому, которого вы в самом деле, может, когда родить соберетесь!.. Расте в атмосфере этой вот ненависти, которая вокруг вас!.. *(Указывает Тамаре на картину да Винчи.)* Такая женщина, как вы, не вырастит вот такого ребенка. Родить-то еще может, родит, а вырастить таким не сумеет. Не-ет, не сумеет...

Тамара. Какой ты, Володя, обидчивый! Ну, на что тебе обижаться? Нам ли уж с тобой, кажется, друг на друга-то обижаться?.. Хочешь, я станцюю тебе сама?.. Хочешь?.. *(Танцует без музыки, припеваает нервно, фальшиво.)* Ла-ла... ла-ла... ла-ла... *(Из учительского платья ей вылезти так же трудно, как змее стянуть с себя шкуру.)*

Володя. Хватит, хватит!.. Не делайте этого... Не делайте этого, я вам говорю!.. Ну, не надо, не надо, не надо!..

Тамара (*отчаянно*). Ла-ла... ла-ла...
(*Володя ушел из комнаты и вернулся.*)

Володя. Отдайте ключи.

Тамара. Нет!.. Ха-ха-ха!.. Не отдам!..

Володя. Послушайте, женщина, вам не я нужен. Вам психиатор нужен. Обращайтесь ноль-три.

Тамара. Не понравилась... Значит, я тебе не понравилась. Да, так? А я, между прочим, сразу поняла это – сразу, когда ты еще только пришел. Отвернись... Явился такой чистюля – и вижу, моментально рожа скривилась. Интересно, чего же ты ждал? Будь я красавицей, стала бы я обращаться к вашей поганой фирме? Подолом бы только мотнула так – и любой мужик уже сразу передо мной на коленях был... Но нет, не дал бог счастья... Вот она, вот, красота какая – ни одной косметикой ее не замажешь. Это сколько надо мужику выпить водки, чтобы ему такая физиономия, как моя, стала нравиться? А на кой они мне ляд сдались, пьяные? Дураки вы, мужики... Все дураки... Женщина... ну, какая есть, но здоровая женщина готова отдаться, родить ребенка, и никаких взамен не требует обязательств – и ни одного, ни одного стоящего мужика нет на это!.. Да какого рожна вам надо?.. Да нет, мне и самой любой-то мужик не подходит. От красивого мне родить нужно – потому что, если девочка будет, пусть у нее счастливее получится жизнь, чем моя... Пускай она за меня отыграется на вас, мужичье, покружит вам головы!..

Володя. Вы сегодня точно не в себе... Давайте, встречу отложим до следующего раза... Я сейчас отправлюсь домой, а вы успокойтесь, прилягте... Выпустите меня без скандала, а? Тома?.. Ведь я плохого ничего вам не сделал. Что вы так за меня принялись? Если вас обидел из мужчин кто – так ведь я-то тут ни при чем. Разве это – моя вина? Ну, дайте мне ключи выйти... Дайте мне ключи, Тома...

Тамара. Я от сюда тебя не выпущу. Понял? Пока ты не согласишься мне сделать ребенка.

Володя. Я не согласен, нет... Ты сегодня опасная... Может быть, в другой раз...

Тамара. Другого раза не будет.

Володя. Нет... От тебя неизвестно чего можно сегодня ждать...

Тамара. А ты в курсе, что ты весь – у меня вот где?.. (*Показывает кулачок.*) Надавлию вот так – и ты вылетишь кверху тормашками из своей фирмы! Нет, не веришь? Женщина там ваша, секретарша, просила меня позвонить ей после сеанса, чтобы сказать, какой ты? Это у тебя – испытательный срок ведь, правда?.. Так я ей позвоню и скажу, что ты – полный ноль, нытик, размазня, мокрое место!.. Ну, что ты теперь мне скажешь?..

Володя. Дура она, секретарша-то... Вот что скажу... Дура...

Тамара. Володя, ты что, разве не хочешь ребеночка, с ножками такими пухленькими, с ручками?..

Володя. Да было у меня уже это все было, было!.. Все это известно мне хорошо: пеленки мокрые, рев по ночам, стирка, отпаривание!.. Тебе пока что все в розовом свете кажется. А когда родишь, ты думала, чем ты его будешь кормить? А одевать во что? На какие деньги вы жить будете? Ты задумывалась об этом? Ты сообрази, Тома, ну зачем он тебе сейчас?..

Тамара. То есть как, зачем?..

Володя. Я только имел в виду, что ты еще, может быть, познакомишься с кем-нибудь, выйдешь нормально замуж – вот тогда и ребенка ему рожай на здоровье. А с довеском-то кто ж тебя возьмет замуж?

Тамара. А как же ты мне только сейчас шептал: шея, линия плеча чудные?..

Володя. Не подумай, Тома, – я не обманывал. Так и есть, как я говорил: и шея, и у плеч линия, волосы... И вообще, Тома, ты интересная женщина. Тебе рано на себе ставить крест...

Тамара. Рано?..

Володя. Ты осмотришься вокруг. На вечера походи – кому за двадцать пять, – объявления можно подать в газету. Я считаю, что стесняться нечего объявлений...

Тамара. Ладно, ладно – подам... Так ты?.. Ты не хочешь?..

Володя. Я, Томочка, решил завязать.

Тамара. Как это вдруг?

Володя. Так. Если недоверие такое... И вмешательство... В самые интимные вещи... Я от них ухожу...

Тамара. Если ты такой щепетильный, зачем же ты тогда с ними связывался?

Володя. Деньги, Тамара, деньги – о, деньги, деньги...

Тамара. Деньги?..

Володя. Да. Мечтал на море свозить детей. Мальчик и девочка у меня, думаю: пусть покупаются... Уже пять лет не были... И витамины им... Но я уйду... Своих детей вести к солнышку, а другие родятся и в нищете будут жить... Ты видишь, Тома, я все решил?..

Тамара. Что же тебе именно теперь пришло это в голову?

Володя. А не мог я просто... просто не мог... Я подъемные брал у фирмы, когда поступал. А из чего отдавать?.. Но я твердо теперь надумал... Ничего, верну как-нибудь... Все до копейки верну...

Тамара. Ты скажи, какие у тебя дети, красивые?

Володя (*пожал плечами*). Ничего... Я по дереву постучу...

Тамара. Да, конечно, у тебя дети красивые... От любимой женщины – красивые дети... Я не могу никак только понять, как ты мог отправиться заводить от нелюбимых женщин некрасивых детей?.. Ведь на это нужно было решиться, а я чувствую, что ты не сволочь какая-нибудь бездушная...

Володя. Нет, Тома, теперь с этим кончено, это была ошибка.

Тамара. А жена твоя, неужели она согласна?.. Мне кажется, что ты бы на такой не женился...

Володя. Ну что ты, Тома. Она душевная женщина. Она думает, что я на вторую смену задерживаюсь... Я немножко перед нею хитрю, но что делать?.. Слава богу, правда, что не состоялся сеанс?

Тамара. Так, Володя, следовательно, что мы имеем? Денег у тебя, голубчика – шаром покати, а ты, по своей глупости, в долги залез в фирме – это первое. Второе – с работы этой тебя, конечно, погонят, когда я сообщу, что у тебя полный провал – а я ведь им обязательно сообщу! Ждать, пока ты накопишь денег аванс вернуть, начальство твое, тоже не станет – с какой это радости? Очень скоро они на тебя наедут, потом жене сообщат, в какой ты числишься картотеке... Так что ты сам выбирай, что спокойнее: со мной ребенка родить, или ты свою семью захочешь разрушить?..

Володя. Тома, когда ты успела стать такой?..

Тамара. Да уж успела... успела... С вами иначе нельзя...

Володя. Что ж тут делать? Пусть будет по-твоему... Наглые такие, как танки, всегда на своем настоят... (*Начал расстегивать плащ.*) Как танки!.. Как танки!.. (*Истерично.*) Ну и пускай, пускай!.. Туда нам всем и дорога!.. Туда, туда!..

Тамара. Туда дорога? Да, чего-то надо делать. Это ты прав... Вот что! Вот тебе мои деньги – сейчас же иди и расплатись в своей фирме!.. Ты меня понял?.. Понял ты меня, или нет?..

Володя. Не понял...

Тамара. Я им скажу, что я заболела, что не состоялось сеанса. Денег я тебе не давала. Так что все, будь здоров... Топай.

Володя. Не надо, Тома, твоих денег, не надо. Поверь мне... Возьми...

Тамара. Не возьму. Уйди ты от меня, слышишь?! (*Вькинула ему ключ.*)

Володя. Ты мне, как, подарила их, что ли?

Тамара. Да, подарила, подарила – ступай!..

Володя (*пожал плечами, спрятал деньги в карман*). Спасибо... (*Хотел уйти, вернулся.*)
Тома?.. Тома?..

Тамара. Чего тебе от меня?..

Володя. Слушай, можно я когда-нибудь приду к тебе после? Так просто, провожу от школы до дома?.. А?.. Тома?..

Тамара. Ты мне это предложил сам? Ведь сам, правда?.. Я ведь тебя не просила?..

Володя. Что ты ответишь?..

Тамара. Хотя бы до первой остановки, да? Ладно?..

Володя. Конечно, до первой... Как скажешь...

Тамара. А можно мы сейчас немного по квартире пройдем?..

Володя. Без проблем.

(*Медленно обошли вокруг комнаты, рука под руку. У обоих внимательные, удивленные лица.*)

Тамара. Можно, еще немного?..

(*Еще немного прошлись.*)

Тамара. У тебя, благополучно все будет, ты не отчаивайся: я верю. Когда-нибудь заработаешь много денег – только, пожалуйста, не таким способом – и повезешь на море детей... Имя у тебя хорошее – Владимир... Владелец мира... Это имя – как талисман... (*Повернула Володю к себе спиной и подтолкнула к двери.*) Будь счастлив...

Володя (*повернулся обратно, хотел что-то ей объяснить*). Тамара... Ты не звони...

Тамара. И ничего не нужно. Только будем знать, что где-то есть я, а где-то есть ты...

Володя. Спасибо.

Тамара. Спасибо.

Володя. Спасибо... (*Уходит из квартиры.*)

Тамара (*звонит по телефону*). Алло... Это номер – 80-20-44? Фирма «Медицина-94»?.. Здравствуйте, можно мне женщину пригласить к телефону, которая принимает заказы?.. Полная такая, светлые волосы... Это вы?.. Извините, я не узнала... Вы просили меня сказать, как ваш новый сотрудник... Адрес?.. Мой?.. Амундсена-14... Сергей?.. Уволился?.. Какую другую заявку?.. Я не понимаю вас, объясните... А кто ко мне сейчас приходил?.. Документы я не смотрела... Да, извините ошибка... Фамилия?.. Может быть, Блохин?.. У него хвостик подрисован к шестерочке... Фуфло гонит? Нет, нет, женщина, никого не нужно искать! Алло, женщина, алло?! (*Заметалась по дому.*)

(*Звонок в дверь. Тамара открыла. На пороге стоит Володя.*)

Володя. Дай мне в рожу...

Тамара. Они угрожали тебя найти!..

Свечи задулись и в комнату ввалились потемки.

В светлом проеме двери видны две обнявшиеся темные фигуры.

Занавес

Никола

сцены из уральской жизни
в двух действиях

Действующие лица

Солдатовы:

Ирина Петровна

Илья – старший сын

Владюша – младший сын

Света – жена младшего сына

Ковригин Григорий Иванович

Отец Николай

Бушуева Тая

Про поселок Бура старухи отзываются так: «Бура – что моя дыра», то есть – плохое, покинутое людьми место. Хотя люди в поселке, конечно, есть, просто их стало меньше, чем было 30, 40, 50 лет назад. Назван поселок по имени реки Бура, что пробуравила себе русло между каменистыми уральскими сопками. На одной из сопки в поселке высится Никола на Всосе – старая кирпичная церковь с колокольней и пятиглавием куполов. Она давно заброшена, с одного боку обгорела, кресты с нее сбиты. Всосом прозвали берег под церковною сопкою, который в половодье заливают река и где потом долго лужи всасываются в землю. Для хозяйства Всос непригоден – и зарос ивняком. Кусты эти поднимаются по склону сопки к самому огороду жилого дома, который стоит один около пустой церкви. У дома два отдельных крылечка – он рассчитан на две семьи.

Первое действие

Вечер. На скамейке у своего крыльца сидит молодой, бородатый отец Николай, смотрит вдаль (а места вокруг, что ни говорите – красивые, лесистые, есть на что посмотреть, особенно – когда вечер, садится солнце, когда река внизу, в тени укрылась туманом).

На половине у соседей играет в доме гармошка, безбожно фальшивит.

К дому идет с сумкою в руке соседка отца Николая Ирина Петровна Солдатова, высокая, худая пенсионерка.

Ирина Петровна. Здравствуйте.

Отец Николай. Здравствуйте. Храни вас Господь. Весело у вас нынче.

Ирина Петровна. Сын приехал.

Отец Николай. Сын?

Ирина Петровна. Мой старший.

Отец Николай. Поздравляю вас, Ирина Петровна.

Ирина Петровна (*останавливается*). Сколько месяцев уже – ни письма, ничего. Вдруг сегодня – стук в дверь. Я соскучился, говорит, мама. (*Ставит на траву сумку.*)

Отец Николай. Это хорошо, это хорошо.

Ирина Петровна. Устала. Обе улицы обошла. Надо мужиков чем-то кормить. Купила в Иканинском магазине окорочка – еле тащусь.

Отец Николай. А новостька что?

Ирина Петровна. На стол собирает. Это просто я так... спешила. (*Гармошка замолкала было – и заиграла опять.*) В сенках гармошку свою отыскал, теперь не может расстаться. А не учился ведь, сам на слух подобрал. Разную музыку знает, песни всякие. Как здесь шумно было, когда он тут жил. Гулянья – лучше любого клуба. Илья играет, девки песни поют, пляшут. Около церкви тут, или на берег пойдут. По берегу далеко слышно. Я, бывало, выйду во двор в темноте, слушаю: гармошка играет – значит нормально все.

Отец Николай. Вероятно, давно не виделись?

Ирина Петровна. Ой, не то слово! В Питере живет, на краю света. И захочешь, а не выберешься к нему – жди, когда сам объявится. Он, должно быть, лет восемь... (*Подсчитывает годы в уме.*) Мама родная! Девять лет!..

Отец Николай. Да, летит времечко-то, летит.

Ирина Петровна. Летит...

Отец Николай. Вот, Ирина Петровна, посоветуйтесь с сыном. Ведь еще немного – и вам будет совсем тяжело. А в поселке – удобства, связь, автобус ездит, больница.

Ирина Петровна. Что ты? Ты опять о своем? Я с тобой – поговорить чтобы, как с человеком, а ты... Тоже мне – еще назвался попом!.. (*Поднимает сумку с травы.*)

Отец Николай. Ирина Петровна, не сердитесь – ведь это грех. И не надо обижать духовное звание.

Ирина Петровна. Я к тебе не лезу, поп – и ты, значит, ко мне не лезь! (*Уходит.*)

Гармонь играет. Отец Николай опять садится на лавку, читает книгу. К нему подходит Тая Бушцева.

Тая. Здравствуйте.

Отец Николай. Вечер добрый. Храни вас Господь. Вы шли в церковь? Я уже затворил двери.

Тая. Нет, не в церковь я. Так, гуляю. Музыка – я услышала где-то. Думаю: откуда музыка? У Солдатовых? Неужели?

Отец Николай. Старший сын у них это.

Тая. К ним Илюша приехал?!

Отец Николай. Да.

Тая. Тетка Ира должно быть рада!

Отец Николай. Рада тетка Ира, сама не своя. *(Крестится.)* Солнышко садится. Как хорошо!

Тая. В августе такие красные зори. Даже страшно делается. Думаешь, к чему бы? Ведь не могут быть просто так – такие красные зори. Может это к войне?

Отец Николай. Извините, как вас зовут?

Тая. Тая.

Отец Николай. Надо молиться, Тая, чтобы не было страшно.

Тая. Он мою молитву не слышит.

Отец Николай. Это грех – такие слова.

Тая. Грех, не грех, а только я проверяла.

Отец Николай. Не припомню вас среди прихожан. Надо придти в церковь, Тая, свечку поставить, помолчать, подумать, помолиться. Нужно покаяться.

Тая. И откуда люди все знают? Только и слышу с детства: надо делать то, надо то...

К ним подходит Илья.

Илья. Это кто тут возвысил голос? Тайка, что ли? Бушуева? Ты?

Тая. Илюшка! Узнал! *(Обнимает его.)*

Илья. Узнал. Как тебя не узнаешь? *(Отцу Николаю.)* Не помешал вам?

Отец Николай. Нисколько. Я уже хотел уходить.

Илья. А я знакомиться вышел к вам, покалякать с новым соседом. Илья, Ирины Петровны сын.

Отец Николай. Отец Николай.

Илья. А попроще если – то как?

Отец Николай. Не понял.

Илья. Говорю, попроще если, между соседями. Коля? Ладно? Ты не против, если будем на «ты»? Сам посуди: какой из тебя мне отец – ты, наверняка, моложе меня. *(Тая.)* О чем вы здесь спорили?

Тая. Просто так, на религиозные темы.

Илья. Тайка Бушуева – на религиозные темы?! Ушам не верю своим.

Тая *(жестанно)*. Да?.. Почему?..

Илья. Может быть, ты монашка? *(Отцу Николаю.)* Коля, может быть, она в твоём штате?

Отец Николай. Послушайте, Илья, это некрасиво – хочу вам сразу сказать. Вы можете не уважать меня, но вам нужно уважительней относиться к духовному званию. Над духовным званием насмеяться нельзя.

Илья. Я и не насмехаюсь, ты что? Хочешь, руку тебе поцелую?

Отец Николай. Обращайтесь ко мне – отец Николай: я священнослужитель.

Илья. Ну, отец – так отец. Ну, так что – руку? Ты как? Руку! Я могу, по-соседски.

Отец Николай. Я боюсь, Илья, вы пьяны. Продолжим эту беседу в другое время. *(Собрался было уйти.)*

Илья. Брезгуете, что ли, отец? Тайка, а ты?

Тая. Только тихонько. *(Подает ему руку.)*

Илья (*целует*). Значит, у монашек руки смородиной пахнут? (*Отцу Николаю.*) Не обижайтесь, отец Николай, это просто мы так, шуткуем. Не видались давно. Церковь решили отремонтировать?

Отец Николай. Да. Благочинный благословил.

Илья. Ваш начальник?

Отец Николай. Начальник.

Илья. Дело тяжелое. В этой церкви сначала держали солярку: была заправка для тракторов. Когда убрали – мы в ней ребятишками играли в прятки, в войнушку. В ней же места целого нет, я помню: росписи все обиты.

Отец Николай. Отштукатурим. Это потом. Пока надо настелить пол. Кровлю мы уже починили.

Илья. А кресты?

Отец Николай. Будут. Подъемным краном, потом. Пока установили над алтарем, деревянный.

Илья. И колокола будут?

Отец Николай. Будут колокола, непременно.

Илья. Вот начнется жизнь! Живи – не хочу! Гармошка! Колокола!..

Тая (*Илье*). Ты к нам надолго?

Илья. Ну, вопрос интересный.

Тая. Чего это он интересный тебе?

Илья. Интересно, почему тебе интересно?

Тая. Так спросила.

Илья. Так?

Тая. Просто так. Ты совсем не изменился, Илья. Какой был трепач – такой есть.

Илья. Видно, Тая, бурчане с бурчалками не меняются жизнью – и ты такая же, как была. (*Отцу Николаю.*) Нашему поселку Бура, отец Николай, триста лет, и еще триста лет пройдет – так и будет дыра дырою: две улицы домов, церковь, речка. Неперспективное место – вот что, отец Николай. Зря вы сюда приехали: только мучаться с нами.

Отец Николай. Как смотреть, Илья, у нас свои перспективы, в божьем деле глухомань – не помеха.

Тая (*Илье*). Неизвестно еще, где ближе к богу: в городе, или здесь? Правильно, отец Николай?

Отец Николай. Совершенно с вами согласен. Сельская жизнь избавляет от городской суеты, обращает помыслы к богу.

Илья. Не приходилось раньше на этом пригорке мне слышать такие речи. Вечер-то какой! Какой вечер! Много ли будет еще в жизни у нас таких вечеров? А вы заладили: к богу, к богу! Радоваться надо, друзья, надо жить! Тая, отец Николай, пойдете к нам в гости! У нас стол накрыт. Пойдете! За знакомство, за встречу!

Отец Николай. Нет, что вы? Благодарю. В другой раз.

Илья. Зачем нам дожидаться другого раза? Идемте!

Тая. Идемте, раз зовут, отец Николай: у нас попросту все в деревне.

Илья. И матушку берите с собой!

Отец Николай. Матушка у своих родителей в городе.

Илья. Так тем более! Не сидеть же одному в пустом доме!

Отец Николай. Благодарю вас. Право. Сегодня я не настроен. Хочется на улице посидеть.

Тая. Народ – отдельно, попы – отдельно? Так, отец Николай?

Илья. Идемте, отец Николай, идемте! Приглашаем от чистого сердца.

Отец Николай. Ну, ладно.

Уходят в дом к Солдатовым. Немного погодя, у дома появляется Ковригин Григорий Иванович, стучится в окно, вызвал на улицу Ирину Петровну.

Григорий Иванович. Это что у вас в доме творится? Привечаешь попа?

Ирина Петровна. Так теперь начинают вместо – здорово живешь?

Григорий Иванович. Добрый вечер, Ирина Петровна. Как ваше драгоценное здоровье?

Ирина Петровна. Спасибо. Твоими молитвами.

Григорий Иванович. Ну, моей тебе молитвы не надо. У вас есть кому молиться без нас. Подружились с новым соседкой?

Ирина Петровна. Ой, не спрашивай! У нас не дружба, а прямо страсть в ключья.

Григорий Иванович. Что так сразу?

Ирина Петровна. Да замаял. Прицепился уже неделю как банный лист: продай ему, да продай. Втемяшилось ему отсюда нас выселить. Будете, мол, дескать, в поселке, а сюда из города пригласит дьячка, себе в помощь.

Григорий Иванович. Выселит. У них это просто. В городе вон выселили музей – отдали здание церкви; дворец культуры выселили – тоже отдали. А уж тебя и подавно: выселят – и не пикнешь.

Ирина Петровна. Не на такую напали.

Григорий Иванович. Вылетите, как пробка.

Ирина Петровна. У нас ордер.

Григорий Иванович. Ордер! А у них власть! У музея, поди, тоже бумаги были.

Ирина Петровна. Черт возьми! Откуда? Что? Попы эти! Катимся-то куда?!

Григорий Иванович. Туда и катимся. Им-то что?

Ирина Петровна. Еще как путнего в гости его позвали.

Григорий Иванович. Ага, зовите больше его, зовите. Этим ребяташкам палец в рот не клади – в горло моментом вцепятся. (Пауза.) Я к тебе – вот что, Ирина Петровна, – в пятницу – партсобрание. Как обычно, в девятнадцать – ноль – ноль. Повестка дня – выражение протеста коммунистов поселка Бура антинародной политике нынешнего российского правительства и текущие вопросы.

Ирина Петровна. Я отсюда никуда не поеду.

Григорий Иванович. Опять за рыбу – деньги! Слышишь, что тебе говорю?

Ирина Петровна. Я на Всосе прожила с детства, я тут детей родила. У меня... Илюша приехал.

Григорий Иванович. На каком Всосе? В антиалкогольную компанию постановление было: называть это место сопкой Плеханова. Собрание, говорю, – в пятницу, в девятнадцать – ноль – ноль.

Ирина Петровна. Григорий Иваныч, я не иду на собрание.

Григорий Иванович. Что такое еще?

Ирина Петровна. Я решила сдать партбилет.

Григорий Иванович. Ты сегодня, что – ненормальная? Успокойся. Я как будто этого не слышал.

Ирина Петровна. Я подумала хорошо. Я спокойна. Просто мне надоело.

Григорий Иванович. Придешь и на собрании скажешь. Подумай еще раз, говорю. Как ты сможешь после этого товарищам в глаза-то смотреть?

Ирина Петровна. Какие мне на огороде – товарищи? Черви дождевые одни.

Григорий Иванович. Ты, Петровна, говори, да не заговаривайся! Товарищей – червями назвать! Ступай домой, таблетку выпей! Компресс на лоб намотай!

Ирина Петровна. Надоел ты мне, Григорий Иванович!

Григорий Иванович. Ты это официально мне заявляешь?

Ирина Петровна. Официальнее некуда.

Григорий Иванович. Были на тебя сигналы, Ирина Петровна, были! Не верил, а напрасно. Проверить хотел.

Ирина Петровна. Вот и иди отсюда, если проверил.

Григорий Иванович. Проверил!

Ирина Петровна. Ну, и иди!

Григорий Иванович. Иду!

Ирина Петровна. Ну, и иди!

Григорий Иванович уходит. Ирина Петровна одна. На улице стало темно...

В доме у Солдатовых спустя полчаса были трое: красивый мужчина 27 лет, которого знакомые называют странно – Владюша, его жена Света, 25 лет, довольно невзрачная особа, да Бушужева Тая. От водки Тая захмелела, она нагнулась к темному окну, смотрит, задницу отставила назад больше, чем нужно.

Тая (кричит в окно и машет рукой). До свидания, отец Николай! Спокойной вам ночи! Илья, иди уже, наконец! Владюша, давай, зови брата!

Владюша. Илюха!

Света (дергает за рукав Владюшу). Сиди! Куда зенки выпялил?

Владюша. Чё?!

Света. Ничё! (*Кричит Тая*). Тайка, иди за стол, хватит там туда-сюда двигать.

Тая (*начинает кричать частушку, притопывает ногой*).

Не ходите, девки замуж:

Ничего хорошего!

Утром встанешь —

Титьки набок и пи*** взъерошена!

(*Притопывает ногой.*) Оп! Оп! Оп! Оп!..

Света (*сидя за столом и подперев свою щеку ладонью, тоже вдруг запела частушки*).

У меня миленка нет!

Что же я поделаю?

Пойду в лес, возьму топор,

Из березы сделаю!

Владюша (*кричит частушку, хочет плясать, но Света дергает его за рукав, он садится*).

Моя милка крышу крыла —

И оттуда сорвалась!

Пока донизу летела —

Сорок раз обосралась!

Тая (*кричит в окно*). Илюшка, ты где?! Давай, волоки гармошку! Веселье пошло! (*Кричит частушку и притопывает ногой.*)

Я любила тебя, гад,

Четыре года в аккурат —

А ты меня – полмесяца,

И то хотел повеситься!

Оп! Оп! Оп!..

Света (*поет частушку, подперевши щеку ладонью*).

Я надену кофту рябу,

Кофту рябу – рябую!

Кто с моим миленком сядет —
Морду покарябаю!
Владюша (*кричит частушку*). Некрасивая ворона,
А красивый перелет:
Милка с берега крутого
Жопой шлепнулась об лед!
Света (*Владюше*). Ты достал меня, козел! Понял?
Тая (*Владюше*). В самом деле, достал!
Владюша (*Свете*). Ты что, белены объелась, Светка?
Тая (*кричит в окно*). Илюшка, гармошку давай!

Ирина Петровна и Илья входят в дом.

Тая (*кричит частушку*). Полюбила чёрта я —
И целую чёрта!
У него, у чёрта,
Я уже четвёрта!
Илюшка, проводили попа? Гармошку давай!
Илья. Сейчас. Ма, где гармошка?
Ирина Петровна (*Тая*). Какая тебе гармошка? Мужик с дороги – еле ноги переставляет.
И тебе на работу завтра идти.
Тая (*посмотрела в окно*). У, уже позднота! Правда что! Засиделась у вас. (Илье.) Ты как,
в самом деле устал, Илья? А то бы проводил меня до поселка: у вас тут фонари не горят.
Илья. Пошли, провожу.
Ирина Петровна (*Тая*). Волки что ли тебя съедят? Чего ты боишься?
Владюша. Тайку волки съесть не посмеют!
Тая (*Илье*). Идешь, что ли?
Ирина Петровна (*Илье*). Посиди с братом. Чего ходить взад – вперед? Сколько годов
не видались. Сидите, поговорите. Я ее доведу.
Тая. Ладно, тетя Ира, не надо. Я сама как-нибудь.
Ирина Петровна. Пойдем, на тропинку выведу, а то не найдешь.

Тая и Ирина Петровна сходят с крыльца.

*Снаружи светлей, чем казалось. От церкви, с ее черным силуэтом, занявшим полнеба,
легло наискосок на поляну черное пятно. Такая тишина, что Ирина Петровна и Тая на мгно-
венье невольно остановились.*

Тая (*негромко запела*). Хорошо ли я уселась?
Не в досаду ли кому?
Коль в досаду – я не сяду.
Вы скажите, я уйду.
Ирина Петровна. Ты вот что, баба, прекрати это!
Тая. Чего это?
Ирина Петровна. А то я не вижу? Крути своим хвостом в другом месте.
Тая. Командира из себя корчишь?
Ирина Петровна. Я тебя прошу по-хорошему. Может, что и было когда-то, да быльем
поросло – нечего ворошить.
Тая. Ворошить еще! Больно мне надо! Нужен мне твой заморыш! Я вообще случайно
тут, не к нему шла! Откуда я знала?

Ирина Петровна. Ты здесь больше не появляйся. Поняла? Считаю, я предупредила. Пеняй на себя.

Тая. Очень уж ты строга, тетка Ира. Строгая, погляжу. Если ты такая моральная, так чего ты Ковригина приваживаешь? У него поди-ка тоже – семья! Видела сегодня, как он вьется вокруг тебя.

Ирина Петровна. Как у тебя язык не отсохнет? Он пришел на партийное собрание звать.

Тая. А, так ты же партийная!

Ирина Петровна. Уж представь себе!

Тая. Уж представила! Что же это у вас, у партийных, такие дети рождаются разные?

Ирина Петровна. Тебе, Тайка, космы давно не рвали? Забыла? Я напомнить могу.

Тая. Я что сказала? Только то, что один – на Карла Маркса похож, а другой – на Фридриха Энгельса. Видно, много партийных книжек в молодости читала. Попрошу себе у Ковригина: пусть мне тоже даст почитать.

Ирина Петровна. Догоню сейчас и напинаю!

Тая. Ладно, не трясись, тетка Ира! Не нужен мне сынок твой, оболтус. У меня вообще, к попу дело было.

Ирина Петровна. Не ври ко!

Тая. Что такого? У попа тоже есть книжки! Спокойной ночи, тетя Ира, не кашляй! (*Уходит.*)

Ирина Петровна. Уродится же такая зараза.

Луна прячется за тучу. На улице темень...

Следующее утро выдалось безветренным, ясным. Потом солнце припекло, как на юге. В доме у Солдатовых стало душно. Начала гудеть и ударяться в стекло жирная муха. Время – далеко за полдень. Вернулся с рыбалки Владюша.

Илья (*сел на постели*). Пи-ить!..

Владюша. Проснулся? Мастер ты спать, Илюха – уже обед скоро. На, рассол – полегчает.

Илья (*выпив рассол*). Давно я так...

Владюша. Может, опохмелиться?

Илья. Думать про нее не могу, сразу воротит. Молчи... Муху выгони: гудит, надоела.

Владюша. На то и лето, чтобы мухи жужжали. (*Поймал муху в кулак, послушал ее, потом раздавил и отбросил в угол, руку обтер об штанину.*) Такой сегодня клев был с утра, а потом как начало парить – и вся рыба заснула. Думаю, что сидеть? Пойду к вечеру, может быть – в ночевку.

Илья (*держит ладонями свою голову*). Что тут у вас за водка?

Владюша. Трещит? Ну, на то и голова, чтоб трещала. (*Перекладывает рыбу из проволочного садка в чашку.*) Интересно, рыба на одном месте живет или плавает вверх и вниз по реке? А? (*Не дождался ответа.*) Три ерша, два окуня, чебаки. Пять чебаков. Мальки не считаются. Кыс-кыс-кыс! Васька, иди сюда! На – мальков! Кыс-кыс! Васька!.. Где он? В огороде опять? Такой вырос кот – кровопийца, вампир! Я на Всосе котенком его подобрал, увязался по берегу за мной и мяукает – наверное, из дома удрал. Теперь вырос – трясогузок, воробьев ловит: только перья летят. Поймает – и сразу в дом тащит: похвастаться, видно, хотит.

Входит Света.

Владюша (*Свете*). Ты с работы, что ли сбежала?

Света. Отпросилась.

Владюша. Балуют вас. Конторские – одно слово. Тогда будешь уху варить.

Света. Я на эту рыбу уж смотреть не могу. Каждый день – рыба, рыба.

Владюша. Предлагаешь тебя кормить ананасами?

Света. Он меня кормит! Между прочим, я сама зарабатываю.

Владюша. На то и жена, чтобы сама зарабатывала. Я сегодня вечером в ночное пойду.

Света. Куда? Еще что придумал?

Владюша. На рыбалку иду.

Света. Может быть, на другую букву, на – «е»?

Владюша. На букву «рэ», на рыбалку!

Илья. Голова болит! Тихо!

Владюша (*Свете, негромко*). Стопку. (*Света налила в стакан из бутылки с бумажной пробкой.*)

Владюша (*Илье*). Илюха, на, выпей.

Илья. Что?

Владюша. Антипохмелин это.

Илья. Водка?

Владюша. Водка, да.

Илья. Сейчас схохну. (*Выпивает водку.*)

Владюша. Ничё! От ста грамм еще никто не подох!

В дом вошла Ирина Петровна.

Владюша (*Ирине Петровне*). Напоила, мамка, сына на радостях!

Ирина Петровна. Что с ним? (*Илье.*) Что, тебе плохо?

Владюша. Отвык. В Питере по-деревенски не выпьешь: сразу заметут в вырезвитель.

Ирина Петровна (*Илье*). Ложись, Илья. Может, за доктором? Владюша, сбегай.

Илья. Ма, не надо доктора, все нормально. Уже лучше делается. Опохмелился.

Владюша. Ну, что, мне бежать?

Илья. Говорю же, не надо.

Владюша. Легче?

Илья. Да, легче.

Владюша. А не верил! Сто грамм – великая вещь. Рецепт здоровья. Ценность мирового масштаба. ЮНЕСКО, во!

Ирина Петровна (*про Владюшу*). Замолол языком! Этому все ни почем! В три горла халкает – а как огурчик.

Владюша. Можем, маманя, можем! Ладно, не буксуй в любимой колее. (*Свете.*) Пошли, Светка, почистим рыбу по быстрому! Есть там нож на колонке.

Света. Пошли. (*Владюша и Света уходят.*)

Ирина Петровна. Покушал бы немножко.

Илья. Правда. Огурцы есть?

Ирина Петровна. Конечно. (*Приносит на тарелке еду.*) Хлеб возьми.

Илья ест и заметно оживает.

Илья. О как! И уши захотелось.

Ирина Петровна. Значит, отошел, слава богу! Сейчас они, быстро вдвоем. (*Пауза.*) Никак у нас не ладится с ней. Вроде бы, и девка хорошая. А все как-то... Я ей – слово, а она – два.

Илья. Не находишь общий язык с невесткой? Ну, на то и свекровь.

Ирина Петровна. Ну, на то! Ну, на то!.. У Владюши перенял? У Владюши все просто: «ну на то!..». Только вот с твоими я ведь не ссорилась: ни с Оксаной, ни с Леночкой, – с этой же все не так. Сядет в угол и глядит волком.

Илья. А чего у них ребят нету?

Ирина Петровна. Спроси. Я уж не лезу к ним: ну их!.. Владюшка тоже – таким охотником сделался! Каждый выходной – его дырка-свист! Особенно теперь, когда в отпуске. На охоту, на рыбалку, на охоту, на рыбалку, на охоту, на рыбалку – как только не надоест?!

Илья. А что ему еще делать?

Ирина Петровна. В деревне-то что? Железо на крыше прогнило надо менять – не меняет. Яблони надо садить. Который год его прошу: съезди в питомник, саженцев привези. Но где же он потащится с ними! Разве он будет с ними прыгать по электричкам? Что ты! Он лучше так, дичку горькую погрызет. Да хоть... навозом бы хоть взял, обеспечил. Смешно сказать: в деревне пятый год не можем огород унавозить. Замаялась с ними. Или старая, может, стаю – так поэтому...

Илья. Что ты, ма, какая ты старая?

Ирина Петровна. Старая. Теперь уж дорога ясна. Один конец. Быстро так – будто и не жила вовсе. Как один миг... Ладно. Ты-то почему мне не пишешь? Трудно черкнуть два слова?

Илья. Просто... О чем писать-то?

Ирина Петровна. Жив, здоров. Мне много не надо.

Илья. Так и так ведь понятно, что жив. Если что случится – напишут.

Ирина Петровна. Ну, типун тебе на язык! Я ночами не сплю, думаю о тебе, лежу тут. Что ты, где?.. Леночку-то не видишь?

Илья. Нет.

Ирина Петровна. Вот она жизнь! Так ведь хорошо начиналось.

Илья. Ма, хватит охать! Что-то здесь душно в доме, на скамейку пойду, посижу.

Ирина Петровна. Рассказал бы хоть, как ты теперь? До какого у тебя отпуск?

Илья. Потом, ма, потом.

Ирина Петровна. Уж тебя и не спросишь. Как хорошо было, когда маленькими-то были...

Илья вышел из дома, сел на скамейку, в прохладу – на Урале в любую жару воздух в тени прохладен. Перед церковью на поляне стругает рубанком доски отец Николай.

Илья. Отец Николай, отдохните! Будет вам на солнце пекчись! Идите, перекурим немножко!

Отец Николай (*подходит к Илье*). Добрый день, Илья! Как самочувствие ваше?

Илья. Ничего, нормально.

Отец Николай. Я очень этому рад.

Илья. Что, косой был вчера? Это со мной бывает.

Отец Николай. Мне показалось, что немножко вы перебрали. Впрочем, это понятно: ведь вы давно с родными не виделись. Надолго вы приехали на родину?

Илья. Ничего я не перебрал. Просто, траванулся немного. Я все помню, что было. Вот, подтвердите мне теперь трезвому, отец Николай – значит, бог есть?

Отец Николай. Есть.

Илья. За базар отвечаешь?

Отец Николай. Извините, но в таком духе я не общаюсь.

Илья. Ладно. Хорошо, парень, не дуйся – это все ерунда. Давай, на отвлеченные темы. Давайте, то есть. Да, отец Николай? Как вам у нас в поселке? Привыкли?

Отец Николай. Весной было тяжелее, когда я сюда приехал. Теперь с людьми познакомился, о поставке стройматериалов договорился, быт наладил. Безусловно, не сразу все удастся – я тем более, здесь один, без помощников. Отслужу службу – иду работать, ночью вынужден сторожить.

Илья. Тащат?

Отец Николай. Тащат.

Илья. А как иначе? Без этого нельзя.

Отец Николай. Что еще неудобно? Церковь и церковный дом этот – от поселка удалены. Поэтому когда из города сюда переедет дьячок – это не решит все вопросы. Я ночью как сторожу? Выгляну в окошко – все. А ему из поселка сюда – не набегаешься.

Илья. Это да. А с другой стороны – кому это надо? Нравится вам мучаться – ну и мучайтесь с ним. Это ваши проблемы. Если разобраться, то кому эта церковь нужна? Простояла она заброшенной семьдесят лет – и еще бы сто простояла. У нас посчитать в поселке – и верующих нет.

Отец Николай. Это мнение ошибочно. Очень большая потребность в храме у многих и очень многих.

Илья. У кого, к примеру?

Отец Николай. У многих.

Илья. Ну, у кого, у кого?

Отец Николай. В воскресенье увидите. Жигалова Наталья Геннадьевна всегда ходит с внучкой...

Илья. Внучке – развлечение вместо театра.

Отец Николай. Супруги Астаховы прожили в гражданском браке почти двадцать лет, а все-таки, пришли ко мне и венчались.

Илья. Ищут новые сексуальные впечатления.

Отец Николай. Карелин Сергей Леонидович...

Илья. Жив еще старпер? Этому – молись, не молись... Вы знаете, кто он? Спросите у любого в поселке: сколько на нем крови? Сколько он народу по доносам упек?

Отец Николай. Илья, господь о нем знает всё, а мне всего знать не нужно.

Илья. Публика у вас неказистая, отец Николай.

Отец Николай. К богу всем открыты врата.

Илья. Только чинить эти ворота у церкви досталось вам одному. Не очень ваша сборная кинулась вам на помощь. Где этот ваш Карелин?

Отец Николай. Помилуйте, Карелину почти девяносто лет. Мне очень многие оказывают посильную помощь. Вот сегодня пришла помочь ваша знакомая, которая была здесь вчера, моет пол в церкви.

Илья. Которая моя знакомая? Тайка?

Отец Николай. Таисия. Да, Тая.

Илья. Тайка моет в церкви сейчас?

Отец Николай. Да, моет в церкви.

Илья (*кричит*). Тайка! Иди к нам сюда! Тайка, давай короче!.. (*Отцу Николаю*.) О! Смотрите, идет! Плышет пава.

Тая (*подходит, кивнула Илье головой. Говорит отцу Николаю*). Вы меня звали, отец Николай?

Илья (*Тая*). Садись, посиди со мной.

Тая. Ой, Илюша, не до тебя.

Отец Николай. Нет, не я – Илья вас позвал, когда я сказал, что вы в церкви.

Тая (*Илье*). У меня очень много работы.

Илья. Ладно, Тайка, чё ты? Садись.

Тая. Я пойду, отец Николай? У меня еще лестница на колокольню не мыта.

Илья. Тайка Бушуева – как овечка! (*Передразнивает*). Я пойду, отец Николай? Тайка, а не ты ли в этой церкви со мной из пугача по стенам стреляла? (*Передразнивает*). Я пойду, отец Николай? А кто эти ворота поджег? Это мы бензином с тобой облили и подожгли – а потом на фоне их целовались! (*Передразнивает*). Я пойду, отец Николай? Разворотила половину церкви, лахудра, – сделала отцу Николаю заботу! Да, отец Николай? (*Про Таю*.) Это та еще штучка!

Тая. Кто? Какая лахудра? Ни хера он меня окрестил! Меня Таисия зовут, понял, ты? Вешаешь на уши лапшу добрым людям – они подумают про меня невесть что. (*Отцу Николаю*.) Про меня, отец Николай, что только ни говорят! Иногда услышу – просто диву даюсь! Вот у людей язык без костей! Вот – «ветер дунет – собака лает!» Эти деревенские сплетни уже поперек горла мне! Вот они, вот у меня где! (*Илье*.) Но ты ведь горожанин теперь, мог бы постыдиться попусту чесать. Пора поумней быть.

Илья. Нечего мне стыдиться.

Отец Николай (*Тая*). К вере своя дорога у каждого. Я, например, еще три года назад учился в университетской аспирантуре. Писал кандидатскую диссертацию на тему... (*Посмотрел на Таю с Ильей*.) Ну, не важно. Даже странно об этом вспомнить. Кому это могло быть нужно? Во всей стране – от силы десяти человекам. А мне казалось, что интересней и актуальней темы для исторической науки придумать просто нельзя. Моя супруга и родители до сих пор уверены в этом.

Илья (*отцу Николаю*). Сбили вас попы с панталыку.

Тая. Что ты шас провякал?!

Отец Николай. Илья, я прошу – держите себя в руках! Нужно выбрать выражения. Я нашел себе поприще, на котором смогу больше пользы принести людям.

Илья (*Тая*). С панталыку! (*Отцу Николаю*). Мне для правды выражений подбирать нечего.

Тая. Сам ты, можно подумать, стал лучше? Тоже мне, кавалер третьей свежести! В город уезжал, говорил: Тая, жди. Я вернусь таким, таким, растаким! На белой «Волге» поедем. Будем кур давить. Какие куры тебе? Ты сам курица! Не знала я, Илья, что мы так с тобой встретимся.

Илья (*отцу Николаю*). Эта швабра была моей юношеской первой любовью. Вот такие пироги, отец Николай.

Тая. Пойду я – хватит мне ерунду его слушать. (*Уходит*).

Отец Николай. Должен вам сказать, Илья, что вы не правы. Ваши отношения с Таяй – это ваше личное дело. Однако нормы общежития, мораль требует более уважительного отношения к женщине. Вы напрасно ее обидели. Советую вам перед ней извиниться.

Илья. Я сказал правду – больше ничего не сказал. Могу я говорить правду? И вообще я на нормы общежития ваши плевал! Вот и всё!

Отец Николай. Печально, если это действительно так.

Илья. Ты, отец Николай, еще молодой! Еще пороха не понюхал. Послушай меня. Эти ваши нормы морали – брехня, опиум для народа. Церковь ваша – брехня. Государство, исправительные колонии – брехня. Мир – брехня. И мне это ясно.

Отец Николай. Вам, Илья, наверно, тяжело жить. Без веры в мире не проживешь.

Илья. Конечно. Тех, кто не играет по правилам, моментально сжирают, косточек не остается. Прячься, не высывайся из-за брусвера – это истина. Только я на это плевал!

Отец Николай. Молодечество – и ничего больше.

Илья. Скажите, отец Николай, вы мужик?

Отец Николай. Станный вопрос. Ну, и что?

Илья. Это не ответ. Вы – мужик?

Отец Николай. Я – мужик.

Илья. Я вам, как мужик – мужику. Чтобы был язык за зубами! Никому. Ясно? Глядите. Видите? Вот. (*Расстегнул свою рубаху и показал отцу Николаю подмышку.*)

Отец Николай. Что это?

Илья. Опухоль. Рак.

Отец Николай. Это правда?

Илья. Это, к сожалению – да.

Отец Николай. Тогда вам нужно не водку пить, а лечиться! Зачем вы приехали? Вы теряете драгоценное время.

Илья. Лечиться? Зачем? Когда я узнал диагноз – я подумал: зачем? Лечиться? Что – это даст? Валяться в больнице – бледному, с лысой головой? Свой последний месяц на этом свете стать подопытным у врачей? Зачем, скажите? Зачем? Этот вопрос теперь постоянно у меня на уме. Зачем я влюблялся, страдал, делал глупости, трусил, обманывал себя и других? Зачем надеялся, ждал? Зачем отдавал другим то, что можно было забрать себе? Нет ответа на этот вопрос: зачем? Квартиру в Питере отдал второй жене, а можно было пропить. На Канары бы сейчас, да, отец Николай? Да? По тёлкам? Йа! Йа! Йа!..

Отец Николай. Очень сочувствую вам, Илья. Главное – не предаваться отчаянью.

Илья. Отчаянья нет. Зачем? (*Уходит.*)

Илья уходит мимо церкви прогуляться по Всосу. К отцу Николаю подходит Тая.

Тая. Отец Николай, я управилась. Всё. Ведро со шваброй там положила.

Отец Николай. Спасибо, Тая. Очень приятно, что вы сегодня пришли.

Тая. Благословите меня, отец Николай.

Отец Николай. Храни вас Господь! (Перекрестил и подал для поцелуя ей руку.)

Тая (поцеловав его руку). Как-то не по нашенски это. (Целует попа в засос.) Так вот, чтоб мне сюда дорогу закрыть.

Света (вышла в это время из дома и увидела целующихся Таю и отца Николая). Мало нам было своих блядунов! (Кричит вдаль.) Илья, иди исть! Уха сварилась уже!..

Второе действие

Минуло два дня. Суббота. Полдень. Солнце палит так же невыносимо. Отец Николай чинит врата у церкви. Работа у него продвинулась мало. К нему подходит Ковригин Григорий Иванович.

Григорий Иванович. Бог в помощь!

Отец Николай. Спасибо. День добрый.

Григорий Иванович. Бог то – бог, да и сам бы помог, да? (*Смеется.*)

Отец Николай. Простите, мы не знакомы?

Григорий Иванович. Ковригин Григорий Иванович, пенсионер, местный житель. Решил придти, посмотреть на вашу работу.

Отец Николай. Отец Николай.

Григорий Иванович. Обучались плотницкому делу, или так, своим умом?

Отец Николай. Своим умом больше.

Григорий Иванович. В каждом ремесле нужно присноровиться. Глухов Егор из совхоза, когда стелили коровник, одним топором обтёсывал доски так, что в щель между досками ножа не воткнешь. Я сам видел.

Отец Николай. Чем теперь занимается этот мастер?

Григорий Иванович. Кто его знает? Помер.

Отец Николай (*перекрестился*). Царствие ему небесное.

Григорий Иванович. Бывают такие умельцы, да. Волков Василий Яковлевич, такие клал печи! Ни копоты, ни угара, ничего. Любо-дорого! Из других деревень за ним приезжали. Да. Славилась наша Бура.

Отец Николай. Тоже умер он?

Григорий Иванович. Вы что? Зачем ему умирать?

Отец Николай. Вы сказали: славилась. Извините. Я вас неправильно понял. Больше не зовут, разве?

Григорий Иванович. Теперь никто не строится. Обнищал народ – печники не нужны. После верховных правителей Миши и Бори – будто Мамай прошел. На весь совхоз остался один-единственный трактор – нечем поля вспахать. Совхозные теплицы стоят заброшенные: без стекол, без отопления – в них ветер воет. Вы как об этом думаете – честно так, да?

Отец Николай. Я мало интересуюсь политикой.

Григорий Иванович. Политика у нас в стране простая: слова все подбирают на букву «пе»: перестройка, приватизация. И тэ дэ и тэ пе – вот и пришел нам полный «пе»!..

Отец Николай. Спасибо, я теперь буду в курсе, что такое политика.

Григорий Иванович. Не иронизируйте. Я сказал так, чтоб было понятнее, а чувства за этим – сложные.

Отец Николай. Не сомневаюсь в этом.

Григорий Иванович. Церкву чините? У нас в поселке третья часть – татары живут. Татары тоже будут в церкву ходить?

Отец Николай. Если кто из них православные – будут. Но ведь татары в большинстве своем – мусульмане. Мусульмане ходят в мечеть. У них другая конфессия.

Григорий Иванович. А поляки? У нас несколько человек есть поляков.

Отец Николай. Для поляков нужен костел. Поляки – католики.

Григорий Иванович. Зазывать их в эту церкву не будете?

Отец Николай. Разумеется – нет.

Григорий Иванович. Получается – пусть имеют веру, какую хотят?

Отец Николай. Абсолютно точно.

Григорий Иванович. Зачем вы тогда заываете сюда коммунистов? У нас – своя вера. Коммунисты тоже имеют право!

Отец Николай. При чем здесь коммунисты? Я как-то не уловил.

Григорий Иванович. Притом, что коммунисты обязаны ходить в клуб. У нас собрание в клубе каждую вторую пятницу месяца. Я секретарь партийной организации поселка Бура.

Отец Николай. Ах, вот как? И что?

Григорий Иванович. Ведете пропаганду. Не отнекивайтесь, отец Николай. Я вчера посчитал. За два месяца исключились семь человек. Все – партийцы с огромным стажем! Все замечены у вас в церкви! Вот последний пример – Солдатова Ирина Петровна, ваша соседка. Не явилась вчера на собрание, передала партбилет! От лица нашей партийной организации требую, чтобы вы не вторгались в наш коллектив! Соблюдайте уважение к нашей вере!

Отец Николай. Я уважаю вашу организацию, но хочу сказать, что коммунизм – не вера, а общественное убеждение. В мире четыре основных веры: христианство, ислам, иудаизм, буддизм. Если желаете, я вам дам прочесть книгу. Вы убедитесь – коммунизма в ней нет.

Григорий Иванович. Верю в победу справедливости на Земле! Верю в торжество коммунизма! Верю в счастье, верю в добро! Верю в братство народов! На хрен мне нужна твоя книга?! Не хочешь по-хорошему – скажу: были сигналы на тебя, были!

Отец Николай. Вы меня пугаете, что ли?

Григорий Иванович. Предлагаю задуматься. Есть начальники над тобой! Интересно им будет послушать, какие ты фортели выкидываешь! Народ не обманешь!

Отец Николай. Не горячитесь. Что вы имели в виду?

Григорий Иванович. Пусть узнают, что ты здесь вытворяешь! Поп, а самогон варишь! Думаешь, если живешь на отшибе – невдомек людям? Варит поп! То-то у тебя и рожа бардовая!

Отец Николай. Я работаю на жаре!

Григорий Иванович. То-то от тебя и жена сбежала!

Отец Николай. Это вас не касается!

Григорий Иванович. Касается еще как! Проходу бабам деревенским не стал давать!

Отец Николай. Если бы вы были моложе – я бы прогнал вас взащей!

Григорий Иванович. Прогнал бы?! А клюкой хочешь?! *(Размахивается палкой, чтобы ударить попа и падает в обморок.)*

Отец Николай. Что с вами? *(Кричит.)* Кто-нибудь! Илья! Принесите воды! Господи! Дышите! Ох, боже мой!..

Илья *(подбегает с кружкой воды).* Что с ним?

Отец Николай. Он без сознания.

Илья. Дышит?

Отец Николай. Не знаю.

Илья *(облил Григория Ивановича из кружки водой).* Дышит еще. Давайте, отнесем его в тень. Берите его. Тяжелый. Ложьте сюда.

Перетащили Григория Ивановича в тень перед домом, растянули ему рубаху, приподняли ему голову, дуют ему на лицо, машут над ним руками.

Отец Николай. Надо нашатырь и «скорую помощь» вызвать.

Илья. Или перегрелся, или инфаркт!

Отец Николай. В такое пекло в пиджаке ходит!

Григорий Иванович очнулся от обморока и пытается встать.

Илья. Лежите.

Григорий Иванович. Встану. Помогите мне.

Илья. Садитесь – посидите на лавке. Зачем стоять? Что с вами случилось?

Григорий Иванович. В глазах потемнело.

Илья. Садитесь. Вы зеленый весь. Здесь прохладнее. Снимите пиджак.

Григория Ивановича усаживают. Он снимает пиджак, рукавом рубахи вытирает испарину со лба.

Отец Николай. Я в поселок схожу – вызову «скорую помощь».

Илья. Сначала мать мою позови – она на речке полощет.

Отец Николай. Зачем?

Илья. Позовите. Не спорьте, отец Николай.

Отец Николай. Хорошо. (*Уходит.*)

Григорий Иванович. В обморок свалился. Старый стаю.

Илья. Солнечный удар, может? Еще бы – такая жара.

Григорий Иванович. Раньше в жару не падал.

Илья. Принести еще воды? Сделать компресс?

Григорий Иванович. Не надо. С водой успеем. Ты ведь – Илья?

Илья. Илья.

Григорий Иванович. Так я и понял. Повзрослел. Встретил бы где-нибудь – не узнал...
Кто я – знаешь?

Илья. Ковригин.

Григорий Иванович. Да, Ковригин. А знаешь – кто я?

Илья. Ну?

Григорий Иванович. Я твой отец.

Илья. Дальше что?

Григорий Иванович. Ты знал? Мать тебе говорила?

Илья. Намекали добрые люди. Только это брехня!

Григорий Иванович. Народ врать не будет. Ты на меня похож.

Илья. Нет. Я похож на отца.

Григорий Иванович. Значит, не говорила? Она и мне запретила. Только теперь – что скрывать? Вашего отца уже нет, а ты – взрослый мужик, поймешь. Она и в партию вступила из-за меня. Чтобы быть вместе. На собрании посмотрим друг другу в глаза – и всё. И так тридцать лет.

Илья. Ты на солнце перегрелся. Остынь.

Григорий Иванович. Правду тебе говорю. В браке – у нас ничего. Она честно. Лишь посмотрим в глаза – и расходимся по домам. Ты не думай.

Илья. Больно мне надо думать! Сейчас она придет – разбирайтесь с ней.

Григорий Иванович. Ты пойми – у нее никакой личной жизни, кроме нашего собрания, кроме партии. Вы с братом – уже здоровые лбы: сами по себе, мамка вам не нужна. А ей как дальше? Ты приехал, погостишь и уедешь – а она забоялась слухов, партийный билет сдала. Ты ей скажи: не надо! Чего теперь бояться? Ты знаешь. Пусть болтают, кто что хотят...

Ирина Петровна (*входит*). Что с ним?

Илья. Он очнулся. Был без сознания.

Ирина Петровна. Вот и хорошо. Не будет шастать на нашу гору.

Илья. Ма, это правда? Он сказал, что я от него.

Ирина Петровна (*Григорию Ивановичу*). Что расселся? Вставай! Иди, откуда пришел!

Григорий Иванович. Хотела, чтоб ему чужие сказали?

Ирина Петровна. Шуруй отсюда, пока живой! И больше чтоб нога твоя не ступала!

Григорий Иванович (Илье). Мы с ней были – жених с невестой.

Ирина Петровна (Григорию Ивановичу). Какой ты был жених?! Что несешь?!

Григорий Иванович (Илье). Почти. Еще бы немного. Но мне родня помешала. А тут отец ваш – сватов.

Ирина Петровна (Григорию Ивановичу). Родня ему! Ты сам струсил! Думал, думал, нервы мотал. Как бы карьеру себе не испортить тестем военнопленным! Карьеру! Комсомольский вожак!

Григорий Иванович (Ирине Петровне). Он сын мой! И ставим на этом точку.

Ирина Петровна. Кто тебе сказал, что он сын?

Григорий Иванович. Ты.

Ирина Петровна. Я это не говорила.

Григорий Иванович. Тогда чей он – скажи!

Ирина Петровна. Он мой сын.

Григорий Иванович. Твой-то я знаю. А я на пальцах считал!

Ирина Петровна. Терпение мое лопнуло! Или ты уберешься сейчас – или мы!

Илья (Ирине Петровне). Ма, проводи его – а то упадет.

Ирина Петровна (Григорию Ивановичу). Пошли, изверг!

Григорий Иванович (Илье). Илья, помни, что тебе говорил! Ты мой сын!

Ирина Петровна (Григорию Ивановичу). Заткнись ты! (*Уходят*).

Илья садится на лавку. С берега идут к дому Света и отец Николай, несут за ручки корзину с мокрым бельем.

Света (кричит). Владюша!

Владюша (быстро появляется из дверей). Что?

Света. Что! Что! Иди, помогай! У отца у Николая возьми.

Владюша (отцу Николаю). Припахали вас?

Отец Николай. Ничего.

Света (отцу Николаю). Спасибо.

Владюша принимает у отца Николая корзину и со Светой уносят ее во двор.

Отец Николай (Илье). Где он? Ушел?

Илья. Ушел.

Отец Николай. И хорошо сделал. С таким озлобленным человеком общаться – невольно сам озлобляешься.

Илья. А вы не озлобляйтесь.

Отец Николай. Это, конечно, грех. (*Крестится.*) Господи, прости меня.

Илья. Ты теперь – прощенный? Обмахнулся – и всех делов. Удобно, что говорить.

Отец Николай. Это таинство, Илья. Не нужно с этим шутить.

Илья. Почему не нужно? Давай, пошутим. Обмахнемся потом, если что. Меня тошнит, Никола, от твоего лицемерия!

Отец Николай. Больше не желаю спорить на эту тему. Пусть каждый остается при своем мнении. Жизнь рассудит, кто был не прав. (*Идет чинить церковь.*)

Илья. Чини, чини! Это я ее поджег в прошлый раз! И никто не прибежал заливать! Значит, никому она не нужна!

Владюша (вышел из дома). Что орешь?

Илья. Да разборки с попом устроил. Чтобы не расслаблялся. *(Пауза.)* Ты топтался в сенках, когда этот был – слышал наш базар?

Владюша. Слышал.

Илья. Что скажешь?

Владюша. Надо поговорить.

Илья. Ну, говори.

Владюша. Илюха, мне надо сибирскую лайку. Без собаки – труба. Вернешься в Питер – в клубе собаководов купи.

Илья. Какая лайка? Ты слышал с этим наш разговор?

Владюша. Слышал.

Илья. Что скажешь?

Владюша. Ничего. Илюха, без собаки – труба. Ушел бы сейчас на охоту. Но без собаки – не охота, а одна маета. Держал я двух кобельков в том году – оба сдохли. Не знаю: или зараза какая прикинулась, или Светка их отравила. Не любит Светка, когда я не дома. Светка их могла отравить.

Илья. У юбки держит?

Владюша. У юбки. Она и удочки мне ломала. Удилище было классное из бамбука – она его об столб, потом – ногой, в щепки. В общем, она достала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.